

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 2, pp. 270–279, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 947(470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований)

Шамиль Наилевич Исянгулов¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2022

© Исянгулов Ш. Н., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается эволюция сельской семьи в Башкирии (до 1922 г. — в Малой Башкирии и Уфимской губернии) на основе материалов выборочных гнездовых динамических переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств за 1920-е гг. *Целью* работы является определение исследовательских возможностей указанных двух групп источников в контексте изучения истории крестьянской семьи на примере Башкирской АССР. *Материалы и методы.* Основными источниками стали опубликованные и архивные материалы — результаты выборочных обследований крестьянского хозяйства за 1920-е гг. В ходе исследования применялись статистический, описательный, сравнительно-исторический методы изучения. *Результаты.* Итоги весенних опросов хозяйств позволяют установить изменения средних размеров сельской семьи. В частности, в Башкирии с 1920 по 1923 гг. наблюдалось резкое уменьшение размеров семьи — на 0,6 человека, особенно в восточных кантонах республики. Затем несколько увеличившись, он вплоть до конца 1920-х гг. оставался на одном уровне (5,1 человека). По сведениям на 1926 г., наибольшие размеры семьи имели русские хозяйства — 5,4 человека, наименьшие — башкирские (4,8). О губительных последствиях голода 1921–1922 гг. для семьи свидетельствовали материалы переписей 1920 и 1922 гг. За два года произошло значительное увеличение одиночек, небольших по численности семей, уменьшение — больших. Гнездовые динамические переписи регистрировали такие «органические» изменения в деревне, как разделы, соединения, возвращение и вселение, миграцию и ликвидацию крестьянских хозяйств. В 1920–1926 гг. в Башкирии 14,1 % хозяйств разделились, 8,5 % хозяйств соединились, 36,9 % хозяйств временно выселились и ликвидировались, 13,4 % хозяйств возвратились и вновь вселились, что превышало общероссийские показатели. Если дробились в основном зажиточные хозяйства, то соединялись, мигрировали, вымирали бедные хозяйства. Материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств свидетельствуют, что в 1920-е гг. большинство сельчан составляли бедняки. *Выводы.* Материалы исследования

показывают, что рассмотренные источники имеют значительный источниковедческий потенциал и для изучения истории семьи в 1920-е гг., позволяя связать демографические характеристики с социально-экономическими.

Ключевые слова: Башкирия, 1920-е гг., выборочные обследования, крестьяне, семья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности».

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 270–279. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

The 1920s Evolution of Peasant Family in Bashkiria: Sample Surveys Analyzed

Shamil N. Isyangulov¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-5691-5566. E-mail: isangul-schamil@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Isyangulov Sh. N., 2022

Abstract. Introduction. The article examines materials of 1920s cluster (dynamic) censuses and spring surveys of peasant farmsteads to outline the evolution of Bashkiria's rural family (before 1922 — in Bashkiria Minor and Ufa Governorate). **Goals.** The work seeks to identify research possibilities of the two groups of sources in the context of historical studies of peasant family in the Bashkir ASSR. **Materials and methods.** The paper primarily analyzes published and archival materials — results of 1920s sample surveys of peasant households. The study employs a number of research methods, such as the statistical, descriptive, and comparative historical ones. **Results.** The results of spring surveys of farmsteads make it possible to delineate changes in the average size of a rural family. In particular, from 1920 to 1923 Bashkiria witnessed a sharp decrease in family size — by 0.6 people, especially in the eastern cantons of the Republic. Then, the parameter increased slightly to stay virtually static (5.1 people) to the late 1920s. As of 1926, the largest family sizes were registered in Russian farmsteads (5.4), smallest sizes — in Bashkir ones (4.8). The disastrous consequences of the Famine of 1921–1922 for the family were evidenced by the Censuses of 1920 and 1922. The two years show a significant increase in singles, small families, and a decrease in large ones. In 1920–1926, dynamic censuses in Bashkiria recorded such 'organic' changes in the village as splits (14.1 %), mergers (8.5), returns and repeated incorporations (13.4 %), migrations and temporary liquidations of peasant farms (36.9). These exceeded Russia's indicators nationwide. While mainly prosperous households tended to split up, those were the poor that would merge, migrate, and even die out. The materials of 1920s sample surveys of peasant farms indicate that the majority of then villagers were poor. **Conclusions.** The documents show that the considered sources have a significant research potential for exploring family history in the 1920s, and may provide links between demographic and socioeconomic parameters.

Keywords: Bashkiria, 1920s, sample surveys, peasants, family

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project 'Sociocultural Processes in Eurasian Environments: from Earliest Times to Present Days'.

For citation: Isyangulov Sh. N. The 1920s Evolution of Peasant Family in Bashkiria: Sample Surveys Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 270–279. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-270-279

Введение

В результате революции 1917 г., Гражданской войны и голода 1921–1922 гг. в составе и структуре крестьянской семьи произошли значительные изменения, которые проявлялись прежде всего в ее нуклеаризации. В современный период, в условиях кризиса семьи, уменьшения ее величины, изучение аналогичных процессов, происходивших в 1920-е гг. в деревне, представляется весьма актуальным.

В 1920-е гг. статистические органы страны проводили большую работу по изучению социально-экономического и демографического положения сельского населения. Эти исследования, в отличие от общих переписей, охватывали не все население, а были выборочными. Материалы выборочных переписей дают богатый материал по эволюции крестьянского хозяйства в 1920-е гг. В то же время в них имеются ценные сведения и по истории развития семьи в рассматриваемый период.

Еще в 1920-е гг. в советской историографии материалы выборочных обследований широко использовались при изучении так называемых «органических изменений» в деревне: разделов, соединений, ликвидации, временного выселения крестьянских хозяйств. Наиболее характерными являются работы известного статистика А. И. Хрящевой [Хрящева 1926]. Однако в последующей отечественной историографии работ, в которых бы использовались материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств для изучения российской семьи, немного (например: [Жиромская 1996: 26–96]).

Сведения выборочных переписей с 1960-х гг. широко использовали в своих работах историки, изучающие крестьянское хозяйство периода Гражданской войны и нэпа [Поляков 1967; Данилов 1977: 204–264; и др.]. Как исторический источник они проанализированы в работах К. М. Газаловой, Э. С. Халимовой [Газалова 1968; Халимова 1977].

В советский период историки писали об осреднении крестьянства. Однако они должны были констатировать о пролетаризации бедняков, расслоении сельчан, усилении кулачества, что было однако труднодоказуемо по статистическим источникам. Между тем британский исследователь Т. Шанин в

начале 1970-х гг. выступил против концепции советских историков, выдвинув теорию о единстве российского крестьянства, в котором шли разнохарактерные процессы социальной мобильности: одни хозяйства выбывали и вымирали, другие — разделялись, третьи — соединялись. Все это позволяло до поры до времени «нейтрализовать» эффект экономического расслоения [Шанин 2020: 85–247].

В региональной историографии работы 1920-х гг. являются зачастую публикациями источников с комментариями [Киреев 1923; Киреев 1924; Киреев 1925; К. 1926; А. Б. 1927]. Исключениями являются статьи С. К. Бушуева и Р. Н. Манапова (впрочем, первая из них ныне также играет роль источника). Однако оба автора специально исследованием семьи не занимались, а изучали прежде всего развитие крестьянского хозяйства [Бушуев 1931; Манапов 1973].

В работах, вышедших в постсоветский период, опубликованные итоги выборочных переписей крестьянских хозяйств практически не используются [Давлетшин 2001; Зарипова 2003; Надеждина 2005; и др.]. Не использовали отмеченные материалы и специалисты, изучавшие семью 1920-х гг. [Бикбулатов 1969; Нафиков 1974]. Таким образом, сельская семья в Башкирии в 1920-е гг. во многом остается малоизученной, в том числе по материалам выборочных переписей крестьянских хозяйств тех лет.

Целью данной статьи является рассмотрение эволюции сельской семьи в Башкирии на основе материалов выборочных динамических переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств за 1920-е гг. (бюджетные исследования здесь не рассматриваются). Несомненно, в работе будет затрагиваться и развитие крестьянского хозяйства в указанный период, однако подробное его рассмотрение в задачу данной статьи не входит.

Материалы исследования

Основными источниками для данной статьи стали опубликованные и архивные источники, в которых получили отражение итоги выборочных весенних обследований (опросов) и гнездовых переписей.

Так, впервые выборочная перепись в Уфимской губернии, охватившая от 5 до 10 % хозяйств, была проведена еще в 1919 г. [Экономическое 1922: 4].

В 1920 г. выборочные обследования начали проводиться и на территории Малой Башкирии. С 1922 г. так называемые весенние опросы крестьянских хозяйств стали ежегодными. Они позволяют показать динамику крестьянских хозяйств и населения за 1920-е гг. Сведения получались путем экспертной оценки налоговых списков, которые составлялись ежегодно в мае–июне сельсоветами и волисполкомами. Налоговые списки фактически являлись сплошной ежегодной переписью крестьянских хозяйств. Однако в них число дворов нередко преувеличивалось, так как в список включались отсутствующие, а то и выморочные хозяйства. В то же время исследователи уверены, что Центральное статистическое управление, используя налоговые списки для составления весенних выборочных переписей, устраняло явные несоответствия по учету хозяйств [Газалова 1968: 290–291]. Таким образом, считается, что материалы весенних опросов являются вполне надежными и достоверными источниками. Материалы весенних опросов были опубликованы в изданиях Башкирского Центрального статистического управления в 1920-е гг., а также в центральной печати.

Процесс «органических» изменений в крестьянской семье и хозяйстве в рассматриваемый период позволяют представить материалы так называемых гнездовых переписей. Сущность метода подобных исследований состояла в периодическом наблюдении одних и тех же групп хозяйств (гнезд). Особое внимание в ходе этих обследований обращали на процессы дробления, соединения, ликвидации, временного выселения хозяйств. В связи с этим указанные выбороч-

ные переписи представляют значительный интерес и для изучения демографических процессов в деревне в этот период. Итоги гнездовых динамических переписей публиковались в различных статистических сборниках в 1920-е гг. [Сборник 1924; Статистический 1926; Статистический 1927; Итоги 1927; и др.].

В статье также использованы материалы Всероссийской переписи населения 1920 г., которые, как известно, не были обработаны полностью, а лишь выборочно.

Материалы общих и выборочных переписей позволяют представить динамику изменений численности крестьянских хозяйств в регионе, сельского населения, средних размеров семьи.

Численность крестьянских хозяйств и сельского населения

По утверждению статистика К. Г. Кирева, с 1920 по 1923 г. количество крестьянских хозяйств Большой Башкирии уменьшилось на 94 584, или на 17,5 %, а число сельских жителей — на 629 340 человек, или на более чем 20 % [Киреев 1923: 11].

Итоги выборочных обследований 1922 г. (они не были проведены в Кудейском, Тамьян-Катайском и Яланском кантонах) показывали, что по сравнению с 1920 г. число хозяйств в Большой Башкирии сократилось на 16,5 % [НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145].

С 1922 г. отмечается рост числа крестьянских хозяйств, к 1928 г. оно увеличилось на 22,3 % (см. таблицу 1). Процесс увеличения числа крестьянских дворов в республике прекратился в 1929 г. В связи с начавшейся коллективизацией их количество стало уменьшаться [Бушуев 1931: 37].

Таблица 1. Численность крестьянских хозяйств и сельского населения Башкирии в 1920–1928 гг.

[Table 1. Numbers of peasant households and rural residents. Bashkiria, 1920–1928]

Год	Число наличных крестьянских хозяйств, тыс.	Численность населения обоих полов, тыс. чел.	Количество человек на 1 хозяйство
1920	501,4	2 765,9	5,5
1922	418,5	2 072,0	5,0
1923	450,2	2 202,2	4,9
1924	456,4	2 364,8	5,2
1925	479,2	2 447,5	5,1
1926	494,0	2 513,1	5,1

1927	507,4	2 596,0	5,1
1928	512,0	2 597,1	5,1

Источники: [Сборник 1924: 105, 109; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145; Основные 1930: 2–3; Сельское хозяйство 1929: 16].

Примечание: По данным К. Г. Киреева, в 1923 г. в Башкирии число наличных крестьянских хозяйств составляло 445 344, а численность сельского населения — 2 176 331 чел., а в 1925 г., соответственно, 477 694 чел. и 2 440 472 чел. [Киреев 1923: 11; Киреев 1925: 15].

Численность населения по республике уменьшилась с 1920 по 1922 гг. на 22,1 %. Наиболее пострадало от голода население Малой Башкирии (кроме Аргаяшского), а также Белебеевского уезда бывшей Уфимской губернии, менее — Бирского и Уфимского уездов. За 2 года число хозяйств в Уфимской губернии сократилось на 14,3 %, а население — на 19,2 %, в Малой Башкирии, соответственно, на 20,3 % и 26,9 % [НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145]. После катастрофической убыли населения во время голода с 1923 г. отмечается и постепенный рост сельского населения. К 1928 г. оно выросло на 17,9 %.

Средний размер семьи в Большой Башкирии с 1920 по 1922 г. уменьшился с 5,5 до 5,0 человек, в том числе в Уфимской губернии он стал меньше на 0,5 человека, в Малой Башкирии — на 0,8. К 1922 г. в Уфимской губернии в среднем на 1 двор приходилось 5,0, в Малой Башкирии — 4,8 человека [Сборник 1924: 109]. С 1923 г. отмечается небольшой рост среднего размера семьи (двора).

Однако в середине 1920-х гг. вновь наметилась тенденция уменьшения размеров семьи, что стало характерным практически для всех кантонов республики (за исключением Зилаирского и Белебеевского). Если в восточных кантонах население не могло оправиться от последствий голода, то в дру-

гих имели место процессы дробления крестьянских хозяйств [Киреев 1924: 3; Киреев 1925: 15; К. 1926: 45].

По данным весеннего опроса 1926 г., наибольшие размеры семьи имели русские хозяйства (вместе с украинскими и белорусскими) — 5,4 человека, наименьшие — башкирские (4,8 человека). У русских состав семьи был на 14 % выше, чем у башкирских хозяйств, и на 11 % выше, чем у татарских (в состав татарских были включены мещеряцкие и тептярские) [А. Б. 1927: 188, 190].

Результаты выборочных обследований

Выборочные обследования также позволяют вскрыть произошедшие в результате коренных военно-политических, социально-экономических и природных катаклизмов глубокие демографические изменения в численности семьи. Так, сравнение результатов 10-процентной сельскохозяйственной переписи 1922 г. с выборочными материалами всеобщей переписи 1920 г. показывает, что с 1920 по 1922 гг. в связи с голодом в регионе происходило дальнейшее разрушение семьи. Отметим, что для выборочного исследования в 1920 г. из материалов всеобщей переписи было выбрано в Малой Башкирии 18 354 хозяйства, в Уфимской губернии — 38 208. Через 2 года было обследовано, соответственно, 15 353 и 33 020 хозяйств (см. таблицу 2).

Таблица 2. Распределение крестьянских хозяйств Малой Башкирии и Уфимской губернии в 1920 и 1922 гг. по числу членов семьи, в %

[Table 2. Peasant households of Bashkiria Minor and Ufa Governorate by family size (%). 1920 and 1922]

Группы хозяйств по числу членов семьи	Малая Башкирия		Уфимская губерния	
	1920 г.	1922 г.	1920 г.	1922 г.
1 член семьи	1,4	4,0	1,9	3,1
2–3 члена семьи	18,6	27,7	19,0	23,8
4–6 членов семьи	45,6	47,0	48,1	48,7
7–10 членов семьи	28,7	19,4	28,2	22,6
11 и более членов семьи	5,7	1,9	2,8	1,8

Источник: [Статистический 1923: 174].

Сведения таблицы 2 ярко свидетельствуют о разрушительных последствиях страшного голода 1921–1922 гг. для семьи. За два года удельный вес одиночек в Малой Башкирии увеличился в 2,9 раза, в Уфимской губернии — в 1,6 раза. Неполные или нуклеарные семьи без детей или с 1 ребенком выросли в Малой Башкирии в полтора раза, в Уфимской губернии — в 1,3 раза. Удельный вес малых или неразделенных семей с 4–6 членами семьи также повысился за счет снижения больших семей с 7 и более членами. Так, семьи с 7–10 членами в Малой Башкирии сократились в 1,5 раза, в

Уфимской губернии — в 1,3 раза, с 11 и более членами, соответственно, в 3 и 1,6 раза. Повышенная смертность во время голода, очевидно, привела к катастрофическим последствиям в численности и структуре семьи.

Материалы гнездовых динамических переписей 1920-х гг. позволяют представить различные «органические» процессы, происходившие в крестьянской семье (см. таблицу 3). Одним из существенных элементов демографических процессов в крестьянской семье 1920-х гг. стали семейные разделы.

Таблица 3. Эволюция крестьянских хозяйств Уфимской губернии и Башкирской АССР в 1920–1926 гг., в %

[Table 3. Evolution of peasant households in Ufa Governorate and Bashkir ASSR (%). 1920–1926]

Год	Количество разделенных крестьянских хозяйств	Количество соединенных крестьянских хозяйств	Количество временно выселенных и ликвидированных крестьянских хозяйств	Количество возвращенных и вновь заселенных крестьянских хозяйств
1920	1,5	2,0	8,2	1,3
1921	0,3	0,6	10,6	1,3
1922	2,1	1,8	5,9	3,8
1923	3,3	2,1	4,1	4,3
1924	2,6	1,2	2,5	2,7
1925	2,9	0,9	4,4	Нет св.
1926	2,3	1,0	3,4	Нет св.
1920–1926	14,1	8,5	36,9	13,4

Источники: [Статистический 1926: 147–148; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 8. Д. 537. Л. 1, 39, 131; Статистический 1927: 64–65].

Примечание: В 1920–1922 гг. материалы гнездовых переписей относятся к Уфимской губернии, с 1923 г. — к Башкирской АССР.

Во время голода 1921 г. процент семейных разделов уменьшился. Более того, семейных разделов в Башкирии в 1920–1925 гг. было меньше, чем по сравнению как с производящими, так и с потребляющими губерниями европейской России за тот период [Газалова 1968: 273]. Так, за 1921–1924 гг. в Башкирии 14,8 % хозяйств образовались в результате разделов, тогда как в непродуцировавших 10 губерниях европейской России данный показатель составил 19,4 %, в производивших районах, не пострадавших от неурожая 1921 г., — 22,3 %, в районах юго-востока и Сибири, пострадавших от голода, — 21,0 % [Статистический 1926: 147–148].

Исследователи показали, что в 1920-е гг. семейные разделы в основном происходили в зажиточных семьях, тогда как в пролетарских и бедных их практически не было [Данилов 1977: 230; Манапов 1973: 223].

Вопрос природы семейных разделов 1920-х гг. в литературе остается нерешенным и требует, несомненно, привлечения и других источников. Исследователи склоняются к точке зрения, что одной из основных причин разделов (дроблений) в этот период было аграрное перенаселение [Жиромская 1996: 77–79].

С началом массовой коллективизации в республике вновь резко возрастает процент разделившихся хозяйств, прежде все-

го среди середняков и кулаков. Одной из основных причин увеличения разделов у этих групп стало значительное повышение сельскохозяйственного налога [Газалова 1968: 288]. Так, по 5 гнездам республики в 1929 г. разделилось 5,6 % хозяйств, по всем 10 гнездам — 7,9 %. Интерес представляют и причины разделов. Если в 1929 г. (по материалам 5 гнезд) 66,8 % разделов произошли по семейным причинам, 17 % — с целью скрыть мощность хозяйства, 10,9 % — в связи с вступлением в колхоз, 2,6 % были фиктивными, то в 1930 г. 64,2 %, 20,4 %, 11,9 % и 2 % соответственно [Бушуев 1931: 49–51]. Несомненно, семейные разделы в 1929–1930 гг. стали одним из способов борьбы крестьян с политикой насильственной коллективизации.

Процессы соединения семей (хозяйств) обычно имели место после женитьбы (замужества), а также в результате чрезвычайных событий (войн, голода, пожара, смерти одного из родителей). Об этом свидетельствуют данные таблицы 3, когда процент соединившихся хозяйств повышался в 1920, 1922–1923 гг., т. е. в годы ухудшения социально-экономических и демографических условий существования, затем вновь понизился в 1924 г. и в последующие годы. Соединений было больше, чем разделов, и в 1921 г. Башкирия, как и другие губернии, пострадавшие от голода 1921–1922 гг., лидировала по числу хозяйств, образовавшихся в результате соединений (слияний) хозяйств. Так, в 1921–1924 гг. в Башкирской республике процент хозяйств, образовавшихся в результате соединений, составил 3,4 %, тогда как в 10 непродуцировавших губерниях — лишь 1,3 %, в продуцировавших районах, не пострадавших от неурожая 1921 г., — 1,8 % [Статистический 1926: 148].

В Башкирии в 1921–1924 гг. выселилось и ликвидировалось 20,9 % крестьянских хозяйств, что было больше, чем во всех пораженных голодом губерниях России [Жиромская 1996: 46]. В основном вымирала наиболее бедная часть крестьянства [Шанин 2020: 153–159].

В то же время процент возвратившихся и вновь вселившихся хозяйств за тот же период составил 10,6 %, что было намного больше, чем в непродуцировавших губерниях и продуцировавшей полосе, не пострадавшей от голода 1921–1922 гг. [Статистический

1926: 148]. Наибольшее влияние в рассматриваемый период оказали процессы выселения и ликвидации хозяйств, несомненно, связанные с голодом 1921–1922 гг.

Материалы динамических переписей позволяют сопоставить демографические характеристики семей с социально-экономическими показателями. По данным динамической переписи, в Башкирии в 1924 г. 5,6 % хозяйств были беспосевными, 65,2 % имели посевы до 4 дес., 26,6 % — от 4,1 до 10 дес., 2,6 % — свыше 10 дес. Условно можно их отнести, соответственно, к батракам, беднякам, середнякам и кулакам. Средние размеры семьи этих групп были следующими: 3,7, 4,7, 6,9 и 8,5 человека. Таким образом, чем беднее хозяйство, тем меньше был средний размер семьи. Зажиточные же хозяйства представляли собой большие (многодетные) семьи [Статистический 1926: 128–129]. В целом такое положение было характерно для всей России [Шанин 2020: 115–119].

Наконец, материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств — ценный источник для изучения социально-экономического положения, социального расслоения сельского населения. Не ставя задачу подробного рассмотрения этой обширной проблемы, кратко отметим лишь следующее. Во время голода удельный вес хозяйств без рабочего скота с 1920 по 1922 гг. в Малой Башкирии увеличился с 17,5 до 44,4 %, в Уфимской губернии — с 18,4 до 40,0 %, бескоровных с 14,5 до 32,7 % и с 15,9 до 28,8 % соответственно. Процент хозяйств, сеявших сельскохозяйственные культуры до 4 дес., вырос за тот же период в Малой Башкирии с 62,6 до 84,5 %, в Уфимской губернии — с 58,7 до 83,4 %, а сеявших более 4 дес. — уменьшился (соответственно до 8,5 и 10,7 %) [Статистический 1923: 174–175].

С 1922 г. по 1926 гг., по данным динамических переписей, удельный вес беспосевной группы понизился с 6,0 до 2,3 %, бедняков — до 51,1 %, возрос: середняков — до 44 %, кулаков — до 2,6 % [Итоги 1927: 140–141].

Данные весенних опросов в 1926 г. дают несколько иные цифры: без посевов — 6,7 %, с посевом до 4 дес. — 57,9, от 4 до 10 дес. — 31,0, свыше 10 дес. — 4,4 %. К 1929 г. удельный вес середняков поднялся

до 37,8 %, кулаков — до 4,7 %. Однако бедняки продолжали составлять большинство крестьянских хозяйств. То же касается и группировок по числу скота. В 1929 г. более половины хозяйств в республике были с одним рабочим скотом и с одной коровой [Бушуев 1931: 28]. В связи с этим материалы гнездовой переписи 1927 г., когда оказалось, что так называемых мелких товаропроизводителей (середняков) в Башкирии 62,8 %, вызывают сомнения [Сельское хозяйство 1929: 24–25]. Очевидно, ни о каком осреднении крестьянства не могло быть и речи. Современные исследователи пишут об уравнивании, обеднении сельского населения [Жиромская 1996: 86; Ильиных 2018].

Заключение

Материалы выборочных обследований крестьянских хозяйств 1920-х гг. представляют собой один из важных источников и при изучении истории сельской семьи в период новой экономической политики. Весенние опросы населения позволяют выяснить эволюцию числа крестьянских хозяйств, численности населения, среднего размера семьи. Особый интерес представляют материалы выборочных обследо-

ний начала 1920-х гг., позволяющих уточнить губительные итоги воздействия голода 1921–1922 гг. на демографические процессы в связи с неполнотой сведений ЗАГС. Они показали значительное снижение среднего размера сельской семьи в 1920–1923 гг., определенную его стабилизацию в середине 1920-х гг. и начало его нового снижения в конце десятилетия. Материалы гнездовых динамических переписей ярко рисуют картину раскрестьянивания, вероятной гибели населения во время голода и эпидемий, распространения таких специфических явлений деревенской жизни, как семейные разделы и соединения. Особое значение указанные источники имеют при изучении демографических характеристик семьи во взаимосвязи с социально-экономическим развитием крестьянского хозяйства в 1920-е гг. Материалы выборочных обследований свидетельствуют, что большинство крестьянских хозяйств Башкирской АССР относилось к беднякам. В целом рассмотренные источники позволяют глубже изучить демографические и социально-экономические процессы среди крестьянства в их единстве, в сочетании между собой.

Источники

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Sources

National Archive of the Republic of Bashkortostan.

Литература

- А. Б. 1927 — А. Б. Характеристика крестьянского хозяйства Башреспублики по основным национальным группам // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1927. № 29. С. 180–199.
- Бикбулатов 1969 — Бикбулатов Н. В. Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1969. 215 с.
- Бушуев 1931 — Бушуев С. К. Социально-экономические и классовые сдвиги в экономике сельского хозяйства БАССР // Хозяйство Башкирии. 1931. № 3–4. С. 19–51.
- Газалова 1968 — Газалова К. М. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в 1921–1929 гг. // Источниковедение истории советского общества. Вып. II. М.: Наука, 1968. С. 265–295.
- Давлетшин 2001 — Давлетшин Р. А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы. Уфа: Гилем, 2001. 275 с.

- Данилов 1977 — Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 320 с.
- Жиромская 1996 — Жиромская В. Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. М.: Наука, 1996. 158 с.
- Зарипова 2003 — Зарипова Р. К. Сельское население в эпоху модернизации: на материалах Республики Башкортостан в годы нэпа (1923–1928 гг.). Уфа: Восточный университет, 2003. 92 с.
- Ильиных 2018 — Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х – 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 128–134.
- Итоги 1927 — Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917–1927 гг. М.: ЦСУ СССР, 1927. 514 с.
- К. 1926 — К. Предварительные итоги весеннего выборочного обследования единоличных

- крестьянских хозяйств в Башреспублике в 1926 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1926. № 27–28. С. 44–50.
- Киреев 1925 — Киреев К. Итоги весеннего выборочного обследования единоличных крестьянских хозяйств Башреспублики в 1925 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1925. № 25–26. С. 9–31.
- Киреев 1924 — Киреев К. Итоги весеннего обследования сельского хозяйства Башреспублики в 1924 году // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1924. № 12. С. 1–15.
- Киреев 1923 — Киреев К. Крестьянское хозяйство Башреспублики в 1923 году // Сельскохозяйственный листок. 1923. № 4. С. 11–13.
- Манапов 1973 — Манапов Р. Н. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в Башкирии в 1921–1926 гг. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1973. С. 221–225.
- Надеждина 2005 — Надеждина В. А. «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 268 с.
- Нафиков 1974 — Нафиков З. З. Социалистическая семья: вопросы становления и развития (На примере Башкирской АССР). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1974. 144 с.
- Основные 1930 — Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. М.: Статгосиздат ЦСУ СССР, 1930. 171 с.
- Поляков 1967 — Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 512 с.
- Сборник 1924 — Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. За пять лет работы ЦСУ. М.: Тип. МКХ, 1924. xv, 481 с.
- Сельское хозяйство 1929 — Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М.: Стат. изд-во ЦСУ СССР, 1929. 502 с.
- Статистический 1923 — Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. Вып. 1. М.: Тип. МКХ, 1923. xiv, 355 с.
- Статистический 1926 — Статистический ежегодник 1924 г. Вып. 1. М.: Тип. МКХ им. Ф. Я. Лаврова, 1926. xi, 337 с.
- Статистический 1927 — Статистический справочник СССР 1927. М.: Издание ЦСУ СССР, 1927. v, 506 с.
- Халимова 1977 — Халимова Э. С. Организация динамических переписей крестьянских хозяйств в 1920–1929 гг. и методика разработки их материалов // Вестник Московского университета. Серия VIII. История. 1977. № 3. С. 13–24.
- Хрящева 1926 — Хрящева А. И. Группы и классы в крестьянстве. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издание ЦСУ СССР, 1926. 172 с.
- Шанин 2020 — Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с англ. А. В. Соловьева; под науч. ред. А. М. Никулина. М.: Дело, 2020. 408 с.
- Экономическое 1922 — Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М.: 14-я тип. МСНХ (Мосполиграф), 1922. 183 с.

References

- A. B. Bashkir ASSR: Peasant households by main ethnic groups reviewed. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1927. No. 29. Pp. 180–199. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V. The Bashkir Aul: An Essay on Social and Cultural Life. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1969. 215 p. (In Russ.)
- Bushuev S. K. Socioeconomic and class changes in agricultural economy of the Bashkir ASSR. *Khozyaystvo Bashkirii*. 1931. No. 3–4. Pp. 19–51. (In Russ.)
- Celebrating the First Decade of Soviet Rule, 1917–1927: Outcomes Reviewed. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1927. 514 p. (In Russ.)
- Danilov V. P. The Soviet Pre-Kolkhoz Village: Population, Land Use, Economics. Moscow: Nauka, 1977. 320 p. (In Russ.)
- Davletshin R. A. History of Bashkortostan's Peasantry, 1917–1940. Ufa: Gilem, 2001. 275 p. (In Russ.)
- Economic Scarification of Peasantry in 1917 and 1919. Moscow: Moscow Council of Public Economy, 1922. 183 p. (In Russ.)
- Gazalova K. M. Peasant farms split up, 1921–1929: Statistical sources reviewed. In: *Source Studies in the History of Soviet Society*. Vol. II. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 265–295. (In Russ.)
- Ilyinykh V. A. Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s–1920s: Criteria, trends, factors. *Ural Historical Journal*. 2018. No. 4 (61). Pp. 128–134. (In Russ.)

- K. Individual peasant households in the Bashkir ASSR, 1926: Preliminary outcomes of spring sampling surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1926. No. 27–28. Pp. 44–50. (In Russ.)
- Key Elements of Agricultural Production in the USSR, 1916 and 1923–1927. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1930. 171 p. (In Russ.)
- Khalimova E. S. Arranging dynamic censuses of peasant households in 1920–1929 and methodologies to develop related materials. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1977. No. 3. Pp. 13–24. (In Russ.)
- Khryashcheva A. I. Groups and Classes within the Peasantry. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1926. 172 p. (In Russ.)
- Kireev K. Agriculture in the Bashkir ASSR, 1924: Preliminary outcomes of spring surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1924. No. 12. Pp. 1–15. (In Russ.)
- Kireev K. Individual peasant households in the Bashkir ASSR, 1925: Preliminary outcomes of spring sampling surveys. *Byulleten' Bashkirskogo Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya*. 1925. No. 25–26. Pp. 9–31. (In Russ.)
- Kireev K. Peasant households in the Bashkir ASSR, 1923. *Selskokhozyaistvennyi listok*. 1923. No. 4. Pp. 11–13. (In Russ.)
- Manapov R. N. Bashkortostan's peasant households split up, 1921–1926: Statistical sources reviewed. In: South Ural Archaeographic Collection. Vol. 1. Ufa: Ufa Poligrafkombinat, 1973. Pp. 221–225. (In Russ.)
- Nadezhdina V. A. '...Keep Moving towards Socialism Failing to Achieve the Latter': Workers and Peasants of the Southern Urals — and Soviet Social Policies during the NEP. Ufa: Bashkir State University, 2005. 268 p. (In Russ.)
- Nafikov Z. Z. Socialist Family: Issues of Shaping and Development (A Case Study of the Bashkir ASSR). Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)
- Polyakov Yu. A. Transition to the NEP and Soviet Peasants. Moscow: Nauka, 1967. 512 p. (In Russ.)
- Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia 1910–1925. A. Solovyov (transl.); A. Nikulin (ed.). Moscow: Delo (RANEPA), 2020. 408 p. (In Russ.)
- Soviet Agriculture, 1925–1928: Collected Statistical Accounts for the 16th All-Union Conference of the CPSU. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1929. 502 p. (In Russ.)
- Statistical Reference Book of the Soviet Union, 1927. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR, 1927. 506 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook, 1922 and 1923. Vol. 1. Moscow: Moscow Community Facilities, 1923. 355 p. (In Russ.)
- Statistical Yearbook, 1924. Vol. 1. Moscow: Moscow Community Facilities, 1926. 337 p. (In Russ.)
- The Soviet Union, 1918–1923: Collected Statistical Accounts over the Five Years. Moscow: Moscow Community Facilities, 1924. XV, 481 p. (In Russ.)
- Zaripova R. K. Rural Population in the Modernization Era: A Case Study of Bashkortostan during the New Economic Policy, 1923–1928. Ufa: Oriental University, 2003. 92 p. (In Russ.)
- Zhiromskaya V. B. After the Revolutionary Storms: Russia's Population in the Mid-1920s. Moscow: Nauka, 1996. 158 p. (In Russ.)

